

Этика и изображения гуманитарной деятельности

Жильбер Холлефер

Общество информации, которое было обещано нам вчера, сегодня становится действительностью. И в этом всецело зависимом от информации обществе радикальные изменения, обусловленные стремительным развитием изобразительных технологий, при полном смешении всех их разновидностей, обязывают совокупность того, что раньше называлось «прессой», по-новому определить свои задачи и пересмотреть свою деонтологию и методы работы. И лишь рассматривая изображение в контексте общего потока информации, особенно в его связи с печатным словом, можно составить себе представление о том, какую роль оно играет. Наше видение мира все в большей степени формируется теле- и фотоизображениями, которые доминируют в общественном пространстве. Воздействие изображения достигло небывалой силы, и это позволяет нам утверждать, вместе с многочисленными аналитиками, что постепенно оно подменяет собой реальность: сегодня существует лишь то, что удостоверено, засвидетельствовано и оценено фотоаппаратом или видеокамерой. В круговерти отображаемых событий все, что не снимается на видеопленку, не фотографируется, не становится объектом внимания средств массовой информации, тотчас исчезает из жизни, перестает существовать в социуме. В чем же секрет непреодолимой силы изображения?

Изображение создает ценности. Оно порождает приязнь или неприязнь. Оно обращается к воображению, вызывает к чувству, будоражит мысль. Одним словом, оно *мобилизует* сознание, похваляясь тем, что свидетельствует без всяких ухищрений о голых фактах, о неоспоримой правде пережитого. Именно в этом и состоит главное устремление телевидения, именно в этом оно и видит свою миссию, именно это и заставило Режиса Дебрея заявить о том, что «телевидение питает особое расположение к гуманитарной деятельности, так как наполняет назидательностью каждую сцену, выхваченную из жизни». С годами гуманитарная деятельность поистине покорила пространство изобразительно-го ряда СМИ и общественного воображения. Она предлагается в меню каждого выпуска телевизионных новостей, с некоторых пор она неизменно пользуется высоким спросом в мире фоторепортажа. Вне всякого сомнения, гуманитарная деятельность является областью, позволяющей сочетать наилучшим образом два аспекта, которые и составляют силу изображения, — реальные факты и их нравственную подоплеку, трагедию и благодеяние, зло и добро.

Но в силу этой тесной взаимосвязи между фактами и нравственностью поставщики изображений гуманитарной деятельности оказываются перед лицом тяжелой моральной ответственности — ответственности, которую несут как средства массовой информации, так и гуманитарные организации. Ибо если говорить по существу, то можно ли с нравственной точки зрения оправдать ежевечерний показ по телевизору сводок последних новостей, в которых предстают взору толпы изголодавшихся людей, трупы и повторяющиеся изо дня в день сцены ужаса? Зачем все это показывать и почему именно это, а не то? И насколько адекватно объясняется то, что нам показывают? Создается впечатление, что эти правомерные в нравственном отношении вопросы, которые должны возникать у любого телезрителя или читателя, узнающего о людских несчастьях, слишком часто остаются без удовлетворительного ответа. СМИ все чаще ограничиваются неглубоким освещением гуманитарных кризисов и вооруженных конфликтов: стремясь в основном к тому, чтобы шокировать зрителя, они лишь скользят по поверхности изображаемых событий. Что касается благотворительных организаций, то конкуренция, которая царит на «гуманитарном рынке», способствует развитию досадной тенденции к спекуляции на добрых чувствах, к обеспечению в своих интересах поддержки со стороны общественности посредством рекламно-пропагандистских кампаний. И в этом смысле изображение жертв и зверств воспринимается как средство для создания «имиджа» гуманитарных организаций. Наконец, в этой безудержной погоне за удовлетворением собственных интересов забывается тот факт, что речь идет об изображении реальных людей, что, выстраивая изобразительный ряд, необходимо уважать достоинство «предмета», который предлагается вниманию зрителя.

Таким образом, представляется возможным выделить три отклонения, которые отражают, от общего к частному, значение этической задачи, связанной с использованием изображения гуманитарной деятельности в мире информации.

- *Избирательность информации.* Почему основное внимание уделяется именно этой ситуации, а не другой? Почему в центре внимания постоянно находится Босния, а не конфликты в Анголе, Афганистане или Камбодже? Почему информационные агентства, которые постоянно жалуются на недостаток средств для отображения всех событий в мире, вложили огромные суммы, а в некоторых случаях и все свои деньги, в освещение одной только войны в Персидском заливе? Вот здесь-то и проявляются вредные последствия конкуренции в мире СМИ, где наиболее сильные определяют выбор для всех остальных.
- *Ускорение информационного потока.* Тирания реального времени, технические достижения в области прямой трансляции приводят к ускорению, результатом которого становится то, что мы называем *переизбытком информации*: число изображений, обрушивающихся на экран телевизора из прямого эфира, настолько огромно, что они перенасыщают сознание людей и в итоге порождают безразличие. В самом деле, в реальном времени есть нечто извращенное, нечто такое, что исключает всякую возможность

толкования; о самих событиях мы узнаем в любом случае — иногда слишком быстро, иногда слишком поздно, — а их анализ, критическая дистанция по отношению к ним совершенно утрачивают при этом свою значимость. Как же составить себе в таких условиях рациональное представление о положении вещей? И как политику, который должен принять решение, уследить одновременно за всем, что происходит в мире? Время на размышление упраздняется приростом изображения в прямом эфире, окончательно и бесповоротно вытесняющим комментарий, расследование, которое стяжало славу журналистам «Уотергейта»; какую пользу извлекли для себя миллионы тех, кто смотрел Си-Эн-Эн, следя за переживаниями в реальном времени Питера Арнетта, снимавшего и комментировавшего то, что он видел из окна своего гостиничного номера в Багдаде во время войны в Персидском заливе? В прямом эфире одни изображения! Ну а где же информация? Может, как считают некоторые, все это действительно «слишком сложно для публики»? Получается, что главное — это показать, сделать зримым, изобразить, а не объяснить. Средство становится целью. Такое отсутствие толкования, передачи нюансов приведет в конечном счете к тому, что *становится естественным* ошеломляющий стереотип: волею судьбы человечество разделено на две половины — на тех, кто страдает, кто обречен сделаться жертвой «дикарей», и на тех, кто избавлен от этого. Последние чувствуют себя в безопасности, когда видят зло, от которого страдают не они сами, а другие, и провиденциальным спасением от которого служит гуманитарная помощь, вполне удовлетворяющая требованиям спокойной совести. Таково видение мира, в котором господствуют фатализм и стереотипные представления о гуманитарной деятельности, видение, порождающее всякого рода отговорки: сколько раз приходилось слышать по поводу Сомали или Югославии, что там-де живут «народы, которые все равно всегда дрались между собой и будут драться»?

- *Информационный вуайеризм.* Следует ли показывать любые изображения и можно ли показать все посредством изображения? Осуждение показа сцен, шокирующих зрителя, — явление не новое. Беспокойство достигло своего пика в 1985 г., когда показали, как маленькая девочка по имени Омайра Санчес агонизирует в грязи, — об этом помнит каждый. Сообщение фактов в теле- и фоторепортажах, подстегиваемое логикой реального времени и стремлением к зрелищным эффектам, слишком легко уступает место сильнее воздействующим на зрителя сценам зверств, жертвами которых становятся люди. Разве можно говорить об уважении личности человека, когда показывают страдающих жертв и не объясняют причин их страданий? Или когда в виде каких-то призраков, отупевших, обреченных жить в грязи, изначально пропащих, полностью зависимых от гуманитарной помощи, изображают людей, которые стойко борются за свою жизнь в условиях сложных и запутанных кризисов? Да еще и используют при этом весь арсенал фотографических приемов и средств для эстетизации их страдания, для искусной подачи этого страдания при помощи «композицион-

ных» эффектов. Недавно один нью-йоркский редактор расхваливал нам фотографа, чья эстетика в изображении событий в Руанде основывалась на соотношении смерти, страдания и грязи. На горизонте этих клише, этого культа чисто зрительного восприятия зловеще выступает *непристойность*, которая не считается более с человеческим достоинством.

Все эти явления требуют к себе самого серьезного отношения. Три описанные выше опасности отклонения предполагают организованное противостояние в этическом плане.

Избирательности информации следует противопоставить *этику видения*: имеется в виду отношение, основанное на глобальном анализе положения в гуманитарной сфере, который позволит выявлять приоритеты в соответствии с критериями, не зависящими от стремления собрать наибольшую зрительскую аудиторию, политических интересов и традиционных рекламнопропагандистских целей. Отношение, которое по-новому определит задачу поставщиков изображения, которое не удовлетворится беспорядочным показом фрагментов действительности, но в наш век глобальной коммуникации, свидетельствуя о событиях, будет стараться сохранить равновесие. Босния — разумеется! Но также и Курдистан, Судан, Сьерра-Леоне, Афганистан и Ангола!

Тирании реального времени необходимо противопоставить *этику замедления*, которая вернет время на размышление: надо найти время для объяснений, а не бомбардировать изображениями. Надо найти время, чтобы посредством изображения можно было уравновешенно представить различные точки зрения, надо стремиться вернуть гражданам полноценную информацию, а не экономить средства, видя в этом главную цель производства изображений.

На отклонение в сторону доходящего до непристойности изображения жертв кризисов необходимо ответить *этикой человеческого достоинства*. Пленники сложной и жестокой ситуации, жертвы остаются людьми: изображать их страдание, конечно, можно, но с соблюдением приличия, относясь с уважением к человеку и его частной жизни. Эти мужчины и женщины не «иконы боли», у них свои мысли, чувства, надежды, опыт жизни, и часто именно они являются главными *партнерами* в гуманитарной деятельности. Надо предоставить им слово, поведать об усилиях, порой отчаянных, прилагаемых пострадавшими к тому, чтобы самим справиться со своей бедой, показать их радость от ощущения жизни в моменты передышки, их мужество и благородство перед лицом страданий и опасностей, которые им угрожают.

Программа эта огромна по своим масштабам, и ее осуществление нуждается прежде всего в углубленном диалоге между СМИ и гуманитарными организациями. Последние все больше внимания уделяют разработке правил, касающихся изображения и информации; будучи основанными на опыте, эти правила чрезвычайно важны для решения встающих перед нами этических задач. Перед лицом насилия, произвола и бесчинств нет ничего хуже отсутствия расследования, свидетельства и обладающего мобилизующей силой изображения. Но возникает вопрос, действительно ли какое угодно изображение лучше, чем его полное отсутствие? Необходимо восстановить благородную традицию

изображения. Она, разумеется, не может существовать в отрыве от искусства комментария, анализа и повествования. Одно только изображение делает разум слепым. Пытаться отделить изображение от слова, воображение — от рационального мышления — значит вести себя подобно ученику волшебника, не способному контролировать последствия своих магических действий. Для того чтобы *действовать* правильно и разумно, человек всегда нуждался и в том, и в другом.

Жильбер Холлефер,
Главный консультант руководства МККК
по вопросам исследований и разработок
в области коммуникаций
